

ЗАСЛОН

Литрес

Мир без боли

Виталий Святец

Виталий Святец

Мир без боли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69263776

SelfPub; 2023

Аннотация

Близится технологическая сингулярность. Бионические органы и протезы – обычное явление, но цена за спасение жизни или новые руки порой слишком высока. Ведущий инженер международной научно-технической корпорации совершает самоубийство. Один из руководителей компании знает всю правду и жаждет уничтожить того, кто на самом деле виновен в смерти его друга. Так запускается цепь событий, которые в конечном итоге изменят мир. Только к добру ли этот замысел?

Содержание

Офис корпорации «Заслон», Санкт-Петербург	5
Где-то в Тихом океане	13
Минск, центральный госпиталь	25
Презентационный зал корпорации «Заслон», Санкт-Петербург	29
Где-то в Тихом океане	36
Видеоконференция акционеров корпорации «Заслон»	39
Офис корпорации «Заслон», Санкт-Петербург	44
Минск, центральный госпиталь	51
Офис корпорации «Заслон», Санкт-Петербург	53
Где-то в Тихом океане	55

Виталий Святец

Мир без боли

«О будущем не говорят, его делают!»

Аркадий и Борис Стругацкие,

«Гадкие лебеди», 1967.

Офис корпорации «Заслон», Санкт-Петербург

«Андрей Васильевич, Вам отказано в предоставлении. Понимаете, возникли сложности при оформлении бумаг, многое не приложили к личному делу. Можете подать заявление повторно, но не раньше чем через два месяца.»

Воспроизведение остановилось, и на экране застыл Максим Добронравов. Выражение его лица можно было назвать грустным или сочувствующим с очень – ОЧЕНЬ – большой иронией.

– Вот почему Андрей Судьбин покончил с собой, – Ратибор передал планшет руководителю.

Тимофей барабанил пальцами по столу.

– Мы соб...

– Почему он мне не позвонил? – руководитель оборвал секретаря на полуслове. – Я же не на Марсе был, черт дери! Пропали драгоценные часы и теперь все, считай, кончено! Почему он мне не позвонил? ПОЧЕМУ?! – с напрасной злобой кричал он.

– Вы же его знали. Он был человек тихий, неконфликтный, и...

– И не лишенный языка! – чуть не трясся Тимофей.

Ратибор набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул.

– Знаете, шеф... Моя тетка – кандидат наук, совсем неглупая женщина. Но чуть случаются какие-то переживания – так она запирается в комнате и не выходит, пока у нее не перестают трястись губы.

Мужчина вопросительно посмотрел на Ратибора.

– Ты что хочешь этим сказать? Андрей натурально, – он поднял вверх сверкающую металлом ладонь, – отрезал мне руку! Его никак нельзя было назвать слабохарактерным человеком.

– Я хочу сказать, что стресс стрессу рознь, и что для одного ерунда, то для другого – погибель. Люди странно устроены. Можно всю жизнь, простите, резать свиней на скотобойне, и при этом бояться обычных стрекоз.

Руководитель сел в кресло.

– Никогда бы о нем так не подумал... – сказал он, немного поразмыслив над словами секретаря.

– Я, признаться, тоже. Похороны завтра. Мы...

– Достаточно, Ратибор, – Тимофей поднял руку, призывая к молчанию, и попробовал отдышаться. – Все расходы за счет компании. Кабинет опечатали?

– Да, я утром распорядился, отправил надежных ребят из отдела внутренней безопасности. Они провели опись оборудования и сверили со складом. Не достает нескольких блоков снабжения для мобильной системы жизнеобеспечения «Л-12».

Тимофей глубоко вздохнул.

– Не страшно. Пригласи ко мне этого... – он едва сдержал позыв выругаться. – Добронравова.

Секретарь вышел из кабинета. Тимофей Князев выключил видеозапись и некоторое время смотрел мимо стола, будто в пустоту. Он встал, подошел к панорамному окну. Город жил своей жизнью, едва ли замечая еще одну стеклянную высотку. Вдали виднелись золотые отливы Петергофа.

Внутри Тимофея кипели ярость, боль и скорбь. Хотелось ломать и крушить, лишь бы выпустить на волю эмоции. Он ударил кулаком в стену. Металлический протез вошел в бетон на несколько сантиметров.

Ничего. Никакой отдачи. И злость не ушла.

Вдруг он услышал шелест и повернулся. Посреди кабинета стояла маленькая девочка в разорванном синем платье. Она смотрела Тимофею прямо в глаза. Он слышал голос, но девочка ничего не говорила.

Мужчина хотел было приблизиться, но в кабинет вошел посетитель.

– Занялись ремонтом? – непринужденно спросил он.

Девочка исчезла также внезапно, как и появилась.

– Если Вы меня позвали за советом, Тимофей Сергеевич, то я бы тут все в принципе перекрасил. Унылая обстановочка. Без обид.

– Сядьте, – надавил он голосом.

– О, – протянул Добронравов. – Будет серьезный разговор?

Тимофей не ответил, лишь передвинул планшет топ-менеджеру. Тот мельком прочел.

– Зачем мне это?

– Несколько дней назад Вы отказали нашему специалисту в помощи по программе для сотрудников. Он покончил с собой.

– И что с того? Люди каждый день умирают. Не моя вина, что он не смог принять удар судьбы.

Тимофей вдавил кулаки в стол.

– Вы вообще знаете, кто такой Андрей Судьбин и что он сделал для корпорации? Сколько он технологических процессов отладил?

– Понятия не имею. А должен?

– Бескомпромиссная наглость, юноша.

Максим лишь хмыкнул.

– Как по мне, так вся эта программа помощи сотрудникам – чушь полная. С какой стати мы должны это делать?

– С той, что люди отдают нам свое время и работают с полной отдачей.

– И получают за это зарплату, которую вольны тратить так, как им заблагорассудится, – Добронравов развалился в кресле для посетителей. – Это не повод бесплатно предоставлять им многомиллионные протезы и прочее.

– Мне кажется, или Вы действительно не до конца понимаете, что мы с Вами здесь для того, чтобы спасти жизни. Давать людям второй шанс, если угодно.

– Так и есть, – согласился Максим. – И прейскурант на наши услуги в открытом доступе. Но я что-то не пойму, чем наши сотрудники такие особенные? Чем это они лучше людей с улицы?

– Тем, что они *наши* сотрудники и наша главная ценность. Не увидят поддержки работодателя – найдут другое место, – сказал Тимофей настолько спокойно, насколько смог. – Не надо думать, будто нет выбора.

– Да и пожалуйста, дверь на улицу всегда открыта. Незаменимых людей не бывает, – он резко встал с кресла. – Мне, если хотите знать, никто и никогда не помогал за просто так или за спасибо. Хочешь чего-то достичь, говорили мне, иди и работай, а нужна помощь – плати, потому как все в этом мире чего-то стоит. Я не вижу ни одной причины относиться к другим иначе. Я лично, Тимофей, всего добился сам, без поблажек или уж тем более – подачек, и горжусь этим. Это называется «капитализм». Вы наверняка о нем слышали.

Тимофей тяжело вздохнул.

– Это очень опасная позиция. Прошу Вас, одумайтесь. «Нет на свете ничего такого, чего нельзя было бы исправить».¹

– О, Господь, это что, опять какая-то цитата? Неважно. Кто бы это ни написал, полагаю, думал он совсем не о росте прибыли, – он принялся застегивать пиджак. – Это все? Тогда прошу простить, меня ждут дела и я не обязан более Вас слушать. Сегодня еще пять страждущих, будут клянчить за

себя, – он сделал рукой неопределенный жест в воздухе, – или родных. Мне это осточертело. На ближайшем собрании акционеров я намерен поднять вопрос о закрытии программы.

– Ничего не выйдет.

– Вообще-то, выйдет. Мы с Вами равны как акционеры и равно можем вносить вопросы на обсуждение. Только я не намерен разбрасываться подарками направо и налево. К тому же, среди коллег я вовсе не одинок в этом мнении.

– Значит, я не должен напоминать, что в отдельных пунктах требуется единогласное решение?

Добронравов остановился у дверей.

– Советую перечитать некоторые документы повнимательнее. Программа не будет закрыта, и, как я вижу сейчас, отдать ее под Ваш контроль было очень дорогой ошибкой. И это, кстати, тоже называется «капитализм», – сказал Тимофей. – Можете закрыть за собой дверь.

– Я понял, – проронил Максим будто вскользь после некоторой паузы. И со змеиной ухмылкой добавил: – Я услышал.

Когда Максим Добронравов исчез из виду, Тимофей со всей силы ударил по столу. Ярость так и не ушла. Две трагедии настолько рядом, и... ни слов, ни оправданий, ни проблеска надежды. Никакой возможности все исправить.

Он бессильно упал в кресло. Боль потери Андрея Судбина принялась разрывать все внутри с новой силой. Поразительный был человек, размышлял Тимофей. Невероят-

но умный, фантастически правильный и скромный. Однажды он спас Тимофею жизнь. Зачатки рака, подхлестнутые каким-то вирусом, точно стероидами, принялись прогрессировать с первой космической скоростью, и если бы Андрей вовремя не ампутировал тому правую руку, все могло бы кончиться быстро и печально. Криокапсул и мобильных систем жизнеобеспечения корпорация тогда еще не придумала. Лишь протезы с усиленной обратной связью, да и то технология была на стадии проверки. Так Тимофей невольно оказался в числе тестируемых: вместо плеча Судьбин установил универсальный преобразователь сигналов, и протез руки после инсталляции лишь немного подогнули в размерах. Князев вспомнил, как первые дни было забавно чувствовать разные предметы новыми подушечками пальцев – мягкими тактильными сенсорами.

В час острой нужды рядом оказался друг. Тимофей не смог ответить тем же. В результате ложная скромность заставила Андрея сначала промолчать об автокатастрофе, а потом пойти на прием к Добронравову. А тот отказал, даже не вдумываясь. Не понимая, кто перед ним.

И вот итог. Больше ничего нельзя было сделать.

– Научно-исследовательский отдел готов доложить по текущим работам в рамках проекта «М», – в кабинет заглянул секретарь. – Пригласить?

– Минут через двадцать.

– Шеф, Вы в порядке?

– Пожалуй, лучше, чем могло бы быть... Спасибо, Ратибор.

– Я не мастер советовать, но... Попробуйте на некоторое время забытья в работе. Вдруг поможет?

Возможно именно в работе скрывалась надежда. Тимофей открыл ящик стола, достал небольшой бесформенный кусочек горной породы. Несколько лет назад его нашли на одном курортном острове в Тихом океане. Сперва подумали, что обычная железная руда, но смущал фиолетовый отблеск там, где ему и взяться-то неоткуда. Когда доставили в лабораторию на материк, то открылась масса не самых обычных свойств. Тимофей узнал об этом металле случайно, проанализировал отчеты и увидел широчайшие возможности применения. И купил остров.

Он крутил металл в руках, будто антистресс-игрушку, пока не заметил, как посреди помещения вновь из ниоткуда возникла девочка.

– Теперь ты – мой единственный друг, – грустно сказал он, почувствовав скрежет песка на зубах. – Как тебе живется?

В ожидании ответа он достал планшет, быстрыми движениями пальцев открыл один из последних докладов и углубился в формулы.

Где-то в Тихом океане

Смирнов с трудом разлепил глаза, даром что помещение заливало яркое солнце. Легкий ветерок нагонял свежий воздух, в котором царил аромат моря, текилы и жареных креветок. Встать бы, прикрыть шторой эту чертову небесную лампочку, но... он попробовал пошевелить хоть чем—нибудь. Отправил запросы в спинной мозг, но ответа не получил.

– Доброе утро, – сказал знакомый голос.

Смирнов не ответил – язык отказался слушаться, а во рту пересохло. Он чувствовал, как воздух скребет по горлу плохо толченым стеклом.

«Воды... нужен глоток воды...»

– Не стоит переживать. Слабость, голод и жажда – это нормально.

Секунду назад он видел лишь потолок, но вдруг эту картину разрезала яркая вспышка фонарика.

– Так, зрение в норме. Сейчас разблокирую Вам язык и лицевые мышцы.

Смирнов услышал стук пальцев по экрану. Еще мгновение и он наконец смог хоть как-то подать голос.

– Вфо...ты...

Полость рта будто скорпионы жалили. Собеседник поднес к его губам трубку.

– Без резких движений, пейте маленькими глотками.

Смирнов почувствовал облегчение, рези в горле поутихли.

– Ггде я? – спросил он, когда смог говорить, не слишком преодолевая боль. – Ф—фто слуфилося?

Собеседник вздохнул.

– Вы, господин Смирнов, пробыли без сознания шесть суток. Мне пришлось повозиться, пока я извлекал из Вашей ноги взрывное устройство и выяснял, что бы все это могло значить. Ваш наниматель, должен признать, подошел к проблеме... с юмором.

Тот почувствовал, как сердце начинает отплясывать четку.

– Тимофей Сергеевич... Пфоймите... У меня...

– Очень длинный нос и жжение чуть ниже мозжечка, раз Вы оказались здесь. Даже мой секретарь не знает об этом месте. А значит Вы следили за мной от самого Пекина. Не сразу я сообразил в чем дело, снимаю перед Вами шляпу.

– Тимофей Сергеевич...

– Однако, особой подготовки у Вас нет, иначе Ваше сердце так бешено бы сейчас не колотилось. Значит, Вы свободный художник, которого наняли для «типичной» слежки, не сообщив деталей и подкинув сюрприз в виде бомбы. Какая мерзость. Одобряю метод. В свое время Вас называли бы... Мм... Да, «пушечное мясо» подходит.

– Я не могу...

– Отличная бомба, кстати, раз ее не заметили в трех меж-

дународных аэропортах. Значит, Добронравов наведывался в отдел военных разработок.

Голос на некоторое время исчез.

– Впрочем, на самом деле это неважно.

Перед глазами Смирнова был только потолок да обитые бамбуком стены слева и справа. Или, напротив, сделанные из бамбука. Он попытался пошевелить чем-то, кроме лица, но не смог. Направив глаза вверх, ко лбу, он почувствовал несколько маленьких металлических кругляшей, плотно сидящих на голове.

«Черт. Твою мать, твою мать.»

– Гораздо больше меня занимает вопрос, как же мне поступить с Вами?

– ПошшалуЙста...

– Вы достаточно неудобный свидетель, Смирнов. По сути Вы преступник, которого я поймал в своем доме. Вас послал мой коллега-акционер, и это значит, что мне объявили войну. А что делают с преступниками в военное время?

– Тимофей Сергеевич...

– Кстати, какое сегодня число? Двадцать первое мая, вот совпадение!

Сердце Смирнова колотилось так, будто намеревалось вот — вот проломить грудную клетку.

– Сейчас без пяти минут шесть по Москве. Насколько я помню, кредитный отдел принимает платежи до восемнадцати ровно, так?

– Прошу Вас... Умоляю... – на глазах заблестели крошечные капельки слез.

– Сколько Вы уже не чувствовали почечных колик? Ах да, у меня же есть доступ к базе клиентов компании «Заслон». Я Ведь один из ее руководителей. Еще одно совпадение, ух ты! Дайте-ка взглянуть... – снова стук пальцев по экрану. – Операция проведена два года назад, а до погашения кредита за услуги врачей и почки – еще десять лет.

Смирнов, кажется, начал потеть, тщетно пытаюсь двинуть хотя бы одной мышцей.

– Знаете, просрочить один платеж не страшно. Гораздо хуже будет, если просрочен, как в Вашем случае, третий.

Разум Смирнова налился туманом и ужасом. Он почувствовал, как пульсирует на виске вена. Каждый удар будто эхом разносился по черепу. Собеседник продолжил:

– У Вас пульс подскочил, какой сюрприз. Ваш работодатель – еще сюрприз – не исполнил условия сделки и не внес деньги. Вероятно, предполагал, что к этому моменту и Вы и я будем мертвы.

Смирнов не мог ни о чем думать. Его обездвигил и обезоружил страх, и страх же готовился поглотить его целиком. Силуэт человека, чей голос он слышит, маячил где-то неподалеку, но увидеть его было невозможно.

– Первые двое суток после просроченного третьего платежа Ваши почки все еще будут работать без какого-либо намека на проблемы. А вот на трети срабатывает сигнализация

– Вы будете ощущать дискомфорт. На пятые сигнализация напомнит, каково это, когда по мочеточнику идет камень. Минуты на три, не больше, не страшно и вполне терпимо. Но вот на шестые – у-у... Ваш организм сполна почувствует боль...

– Я умоляю Вас, Тимофей Сергеевич...

– Но кредитный отдел все же не варвары. Счетчик работает только по будням, а в выходные Вам ничего не грозит, – усмешка. – Жаль только, что сегодня вторник, а срок третьего платежа истек на прошлой неделе. Скоро мы узнаем наверняка, что Вас ждет – маленький камушек или отказ почек.

– Я ПРОШУ ВАС, НЕТ!!!

– Знаете, что у Вас на голове? «Заслон НМ-14», последняя модификация. Его создал Андрей Судьбин, как сканер, еще для обкатки первого поколения протезов. Ну, знаете, ловили сигналы мозга и центральной нервной системы к отсутствующим конечностям. Судьбин записал данные нескольких тысяч голов, а потом несколько раз прогнал через алгоритмы машинного обучения и пару нейросетей. Они в те годы были жуть как популярны. И в результате вышла расшифровка кодировки мозга. Когда он это понял, то, наверное, испытал ту же гамму чувств, что и Алан Тьюринг после взлома «Энигмы». «НМ-14» видит мозг насквозь. Перехватывает сигналы, бегущие по проводам в голове, обрабатывает, когда нужно – усиливает и отправляет дальше, по месту

назначения. Незаменимая вещь при реабилитации после перелома спины. И инсульта. Помогает при Альцгеймере, Паркинсоне. Даже при аутизме. А еще есть особая функция, которая не дает командам пройти. Ловит их на середине пути, а дальше посылает вместо них белый шум. Так я заблокировал Ваш спинной мозг. Потом немного поиграл с тонкой настройкой и вуаля! У меня есть доступ к любой мышце Вашего тела. Хотите снова перестать шевелить языком?

Смирнов побледнел.

– Нет? Ну хорошо, как хотите. А знаете, Смирнов, в чем главный фокус? – голос потерял нотки насмешки и в одно мгновение стал стальным. – В том, что эта штука не избавляет Вас от боли. Осталось две минуты.

– ДА, ДА! Черт, да, меня нанял Добронравов!

– Минута пятьдесят пять.

Смирнов раскололся. Он выложил все. О бомбе в ноге он, конечно, представления не имел. Ему сказали, что там маяк, как страховка, на случай непредвиденных обстоятельств. Только активируй он его – взлетел бы на воздух, да так, что по кускам не соберешь.

– Это все, я клянусь! – выпалил вконец Смирнов. Он уже забыл, как буквально несколько минут назад горло было набито чем-то вроде глиняных черепков.

– Тридцать секунд.

– Боже, Тимофей Сергеевич, я не вру! Я правду Вам говорю, правду!

– Двадцать три.

– Господи, нет, прошу Вас, я не вру!

– Если он нас сейчас видит – предпочтет не вмешиваться.

Пятнадцать.

Когда нет нужды, секунды несутся вперед с такой скоростью, что ничто уже их не догонит. Смирнов зажмурился и приготовился к удару. В его памяти все еще пульсировала агония отказа почек. В те далекие секунды два года назад он не видел выхода, и согласился на операцию, лишь бы разверзнувшийся чуть выше поясницы ад наконец прекратился. Лишь после всего он увидел сумасшедший счет, по которому ему придется платить несколько лет. Но, по крайней мере, он был жив.

Восемь.

«Пока что жив.»

Семь.

– Прошу Вас, пожалуйста...

Четыре.

Три.

И вдруг что-то слетело с его головы. Он рефлекторно сжался в клубок, и...

Ничего не произошло.

«Девять, десять, одиннадцать...»

Он открыл глаза. Разжал руки, локти и колени. Остановил взгляд на фигуре в дверном проеме. Мужчина средних лет, в легкой белой рубашке, смотрел на океан. Правая рука

– металлическая, кажется, до самого плеча, а может и глубже. Один из новейших сплавов на основе титана. Солнечные блики так и бегали по комнате, стоило ему чуть пошевелиться.

Смирнов послал проверочные сигналы во все доступные мышцы своего тела. Получил утвердительный ответ. Схватил бутылку с водой, выкинул трубочку и осушил содержимое до последней капли.

И вдруг понял, что не чувствует никакой боли. Опасаясь худшего, он сделал первое, что пришло в голову – ущипнул себя кончиками ногтей за кожу на бедре. Было больно. Прикусил язык – больно.

Значит, он жив.

«Пока что жив.»

Потом провел глазами по ноге вниз – вдоль большой берцовой кости шел тонкий разрез и рубцы от свежих швов.

– Что Вы сделали со мной? – спросил он, немного уняв наконец дрожь и сердцебиение.

– Взял на работу, – ответил Тимофей Сергеевич. – В качестве аванса – погасил Ваш кредит. Полностью.

Смирнов отшатнулся.

– Э... – начал было он.

Мужчина повернулся и что-то бросил ему. Смирнов неуклюже поймал и осмотрел предмет – нечто, напоминающее гарнитуру-муху и аккумулятор вроде как от телефона.

– Это я извлек из Вашей ноги. И еще где-то полкилограм-

ма циклотриметилентринитрамина в камуфляжной пленке. Тоже наша разработка, чисто для военных целей. Она и обманула рентгены в аэропортах. Говорил я, что ее выпуск надо прекратить, но воз и ныне там.

– То есть... Вы не гоните?

– Нет, – спокойно ответил Тимофей и протянул ему металлическую руку. В другой он держал «Заслон НМ-14», и металлические кругляши прибора сверкали фиолетовыми крапинками.

Смирнов глубоко вздохнул, помотал головой и скромно ответил на рукопожатие:

– Не знаю что сказать, Тимофей Сергеевич...

– Можно и без официоза, – предложил Тимофей. Потом он достал из ведерка со льдом бутылку шампанского, открыл, наполнил бокалы и протянул один из них Смирнову. – Расскажите мне все с самого начала. Особенно о том, как Вы вообще в это ввязались.

Они долго говорили. Обсуждали все, что Добронравов считал нужным сообщить Смирнову. Говорили спокойно и вдумчиво, как коллеги. Закончили к вечеру, когда солнце начало клониться к закату.

– Вы... – осторожно поинтересовался Смирнов, собираясь уходить, – Вы правда закрыли мой кредит?

– Документы об оплате я отправил на Вашу электронную почту. Ах да, – Тимофей достал из ящика стола пластиковый пакет, в котором лежали смартфон и электронный паспорт. –

Это Ваше, а все прочие вещи в номере отеля. Билеты там же.

– Я... Не знаю, как Вас благодарить, – он потупил взгляд. – Вы мне, выходит, дважды жизнь спасли. Я, получается, чуть было Вас не убил, а Вы потратили на меня целое состояние.

Новый работодатель улыбнулся и устремил взор к океану.
– «Богатство Мории было не золоте и не в драгоценных камнях, а в мифриле.»²

– Что?

– «Властелин колец». Неужто не читали?

Он не ответил.

– Сделайте свою работу. Этого будет достаточно. И не показывайтесь на глаза Добронравову.

Когда Смирнов закрыл за собой дверь, в комнате появилась девушка в стильном белоснежном бикини.

– Ну ты, конечно, дал, Тим, – она прижалась грудью к его спине. – Кинет он тебя.

Тимофей снова наполнил бокал:

– Ань, я вообще-то не отключил сигнализацию в его почках, а просто перевел ее в ручной режим. Я же не полный идиот.

Она усмехнулась, но сделала это совсем не весело.

– Хотя все равно считаю, что перестраховался. Он все делает как должно. Добронравов по сути отправил его на верную смерть.

– Пожалуй, – Анна погладила металлическую руку Тимофея. – Из всех попыток покушений на тебя эта занимает по-

четное первое место по шкале тупости.

– Да уж. Ничего. Все заслуживают второй шанс.

– Что ты сейчас сказал? Второй шанс? То есть опыт моего папы тебя вообще ничему не научил?! – девушка отстранилась от него.

– Слушай, если бы...

– Ага, да, если бы да кабы, – ее голос преисполнился раздражением. – Не начинай даже.

– Не буду, – он осушил бокал и налил еще. – Но, послушай, Смирнову я поверил. Поверь и ты, Ань. Он все сделает как нужно.

Она не удостоила его ответом. Лишь фыркнула, вышла за дверь, в сторону пляжа, и уселась на песок. Солнце готовилось утонуть в океане.

– Добронравов – мразь. И не заслуживает никакого второго шанса. Все бы отдала, чтобы увидеть его рожу в тот момент, когда он поймет, что уже поздно, – Анна снова грустно посмеялась.

– Зачем это? – он сел рядом.

– Считай, что мне станет легче. Пусть этот ублюдок почувствует на себе, как рушится мир.

– У-уф. Мстительно.

– Дорогой мой, а весь этот твой план разве не месть?

– Ну... не только. Я бы назвал это полной реструктуризацией, – сказал Тимофей. И, подумав, добавил: – А рожа этого ублюдка – просто приятный бонус.

Анна попробовала испепелить его взглядом.

– Отомстить за мою семью и меня – «просто приятный бонус»?

Мужчина не успел ответить.

– Тим, ты никогда не умел делать сюрпризы девушке, правда?

Образовалась неловкая пауза. Но ее быстро разрезал залихватистый смех.

– Ты такой смешной, когда серьезный. Ой, я не могу!

– Мне приятно видеть, что ты не меняешься, – смущенно, глядя куда-то в песок, улыбался Тимофей.

– Ну а что? Ты уже обо всем позаботился, мне остается только ждать новостей. К тому же кислая мина – это твой конек, а не мой.

Она быстро чмокнула его в щеку. Он не смел пошевелиться. Тишину разрушали лишь крики птиц вдали, над водной гладью, и скрежет металлических пальцев.

– Почувствовал?

– Да, милая. Мне было приятно.

– Вот врешь ты все, Тим, – девушка, будто чуть обиженно, направилась в сторону океана. – Иди уже. Тебя ждут дела.

Минск, центральный госпиталь

– На этом, – врач отодвинул бумаги в сторону, тяжело вздохнул, и еще раз посмотрел на даму, – все. Я более ничего не могу сделать. Примите мои соболезнования и начните приготовления.

Женщина совсем не выглядела старухой. Для своих лет была прекрасна. Опрятна, подтянута и даже не использовала несколько слоев косметики, чтобы скрыть глубокие морщины. Через несколько месяцев она собиралась разменять седьмой десяток, только у ее организма не было планов позволить ей это.

Она некоторое время безмолвно смотрела потухшими глазами куда-то мимо врача.

– Или же, – врач выудил из стопки журналов на столе нужный, но вдруг почуял резкий запах и заметил, что происходит.

Женщина закурила.

– Да-а, – с упреком надавил он, мгновенно потеряв понимание, зачем он распинался предыдущий час, – великолепная идея. Просто восхитительная, если я все правильно понял. Надежная, как... как...

– Остыньте, доктор, – процедила она, зажав сигарету в зубах. – Это же не Вы умираете. К тому же, Вы меня только что похоронили. Так какое Вам дело?

– Но ведь еще можно...

– Можно что? – женщина резко прервала его. – Я слушаю!

– Есть варианты...

– Которые дешевле, чем место на кладбище? – она смахнула слезу. – Довольно с меня. Сколько Господь отвел, столько и хорошо.

– Опять ты за свое, – пробурчал ее супруг, вошедший в кабинет. – Еще и снова куришь! Ты хоть слушала, что тебе сказал доктор?

– А что он скажет? Рак – он и в Арктике рак.

Женщина закашлялась. Мужчина несколько раз открывал рот, но так и не сумел выдать ни звука. Он сел на свободный стул и закрыл лицо руками, пряча слезы.

– У Вас четвертая стадия, – пробормотал врач, задумчиво глядя на полупрозрачные клубы дыма. – Я бы предложил встать в очередь на пересадку, но...

– Пока очередь дойдет – я трижды откину копыта.

«Поразительно, она еще и острить ухитряется», – порадовался про себя врач. А вслух сказал:

– Я бы не был столь резок в формулировках, но – да. Однако, Вы можете рассмотреть бионические легкие.

– Доктор, у меня плохо со здоровьем, но не с дикцией. Я Вам что только что сказала про цену места на кладбище?

– ХВАТИТ! – супруг сорвался почти на визг. – ПРЕКРАТИ ТЫ МЕРИТЬ ЖИЗНЬ ДЕНЬГАМИ! ПРЕКРАТИ!

Он выхватил из ее рта сигарету, смял и выбросил в окно.

Лишь потом потер ладонь в месте, куда пришелся ожог. Женщина меж тем снова зашла в кашле. И быстро прикрыла рот платком. Муж забыл о руке и попытался удержать ее за плечи, но в ответ получил лишь нервную отмашь.

– Что ты хочешь от ходячего трупа? – она взглянула на платок, пропитанный кровавыми ошметками.

– ДА ЧТОБЫ ТРУП ВСТРЕТИЛ СЫНА С НЕВЕСТКОЙ И ВНУКОМ ИЗ РОДДОМА, ДУРА!

Мужчина уже не пытался скрывать слезы. Не сдержалась и женщина. Даже врач дрогнул. Пусть он не один десяток лет видел ломающиеся судьбы, пусть много раз успел морально окаменеть и обзавестись хроническим врачебным цинизмом – он почувствовал в этом крике горечь и отчаяние невиданной силы.

– Простите, – проронил наконец мужчина. – Не нужно было Вам это слышать, и... Простите.

Врач небрежно махнул рукой:

– Ничего, все в порядке. Я понимаю, что Вы чувствуете.

– Это вряд ли, – опять уколола его женщина.

– Вас бесит бессилие. Именно поэтому на Вашем месте я бы ознакомился с бионическими органами, – он взял со стола глянцевый журнал. – Вот, российская корпорация «Заслон», прекрасные специалисты. Ни одного отторжения организмом пересаженных органов не было за почти двенадцать лет.

Он поглядел на их лица и подытожил:

– Подумайте. Это Ваш второй шанс. Но цена...

– Я же говорила.

– Сколько? – спросил супруг.

Врач передал ему журнал. Тот немо уставился на изображение и указанный рядом ценник. Женщина схватила уголок издания, потянула на себя и наспех поглядела надпись. И вновь дала волю эмоциям.

– Прекрати мерить жизнь деньгами, прекрати мерить жизнь деньгами! Ну, почти угадала. Можно в кредит или в рассрочку – так более чем прекрасно. Вот внук родится, вырастет, устроится на работу и выплатит остаток.

Она отвернулась в сторону окна и достала новую сигарету. По лицу катились слезы, а легкие жгло. Но ей было плевать. Супруг в это время тихо положил журнал на стол. На его лице больше не было горечи. Одно лишь отчаяние.

Презентационный зал корпорации «Заслон», Санкт-Петербург

– Тут краем уха слышал техников за сценой, – Ратибор промочил горло напитком. – Выход Добронравова будет сопровождаться тремя залпами салюта. Вот на кой ляд выходить под три залпа салюта?

– У богатых свои причуды? – Тимофей даже бровью не повел.

– Я, конечно, слышал все эти страшные истории, мол, нефтянники на свои праздники выписывают зарубежных певичек в качестве ведущих, но это перебор.

Тимофей предпочел это проигнорировать и сменил тему: – Удалось что-то на него накопать, помимо информации от Смирнова?

– Ничего криминального, – сказал секретарь. – По крайней мере без прямых доказательств. Все, что нашлось, не противоречит официальной версии. Родился он явно без золотой ложечки в заднице. Окончил МГУ экстерном, шел по головам, работал кризис-менеджером на нескольких заводах, в том числе и в авиации. Ни одно предприятие при нем не обанкротилось. Что тут сказать, неглуп и разбирается в финансах.

– Без золотой ложечки в заднице? – переспросил Тимо-

фей.

– Ну, так говорят. В том смысле, что не из богатой семьи и не на всем готовом.

– Серьезно? Никогда не слышал. А ситуация с помощью нашим сотрудникам изменилась?

– Нет, – Ратибор немного покопался в памяти. – Он не одобрил ни одной из двухсот заявок.

– Ясно... По проекту «М» – люди получили мои материалы?

– Вы что! Был такой переполох, когда они пришли. Мне показалось у них там всех одновременно дыхание перехватило. Где Вы это на...

Разговор прервала музыка. Люди в зале невольно начали оборачиваться к сцене, которую залило бенгальскими огнями.

– Тоже мне пафос, – пробурчал Ратибор.

На сцене, шагая сквозь искры, облаченный в клетчатый костюм-тройку, появился Максим Добронравов, топ-менеджер и держатель пятнадцати процентов акций корпорации «Заслон». Некоторое время он улыбался своей невероятно широкой и белоснежной улыбкой, кланялся, рассыпал воздушные поцелуи направо и налево, надеясь поразить каждую гостью. Лишь потом заговорил.

– Ну, тихо, дорогие мои, тихо. Ребят, за сценой, да, приберите музыку. Я хочу поговорить с вами о нашей компании. О ней, о ее прошлом и будущем.

Он выдержал паузу.

– Двадцать лет назад многие говорили, что начинать заниматься протезированием – дело гиблое и неблагодарное. Ниша поделена и новым игрокам там делать нечего. С появлением доступных 3d-принтеров любой мало-мальски грамотный школьник смог распечатать себе доспехи Железного человека. А освоив азы программирования – заставить их приносить ему стакан сока. Я слышал про одного самородка из Благовещенска, который наладил мелкосерийное производство в этой области и даже получил несколько патентов. В общем, ворваться на этот рынок было идеей, мягко говоря, спорной. Так и зачем нам лезть в эту область? А вы можете вспомнить хотя бы кого-нибудь, кто смог распечатать себе новую поджелудочную? То-то и оно. И наши ученые взялись за дело, взялись рьяно и с полной отдачей. Аплодисменты им, нашим ученым!

По залу прокатился шелест хлопков.

– Вот же... лицемерная сука... – процедил Тимофей сквозь зубы.

– Так чего же мы добились за двадцать лет? – продолжал Добронравов. – Универсальные бионические протезы рук и ног, не требующие долгой и тонкой настройки – только доступ к ближайшему нервному узлу в человеческом теле!

На огромном экране за его спиной началась видеопрезентация.

– Производимые нами легкие ни разу не отторгались ни

одним организмом. Пересадка донорского органа по-прежнему дает человеку максимум пять-семь лет жизни, а наш продукт не требует апгрейда, записи или звонков в сервис, и тем более постоянного присмотра торакального хирурга. Поставил и забыл.

Аплодисменты стали настойчивее, а Добронравов выудил из кармана пиджака смартфон и покрутил его в руке, демонстрируя гостям:

– И буквально час назад мне пришло сообщение: на заводе в Кельне произвели печень с серийным номером «2.000.000»! А? Каково?!

Гул в зале нарастал по экспоненте.

– Но, как вы все понимаете, новые горизонты невозможны без новых инвестиций, поэтому несколько лет назад мы стали ведущей организацией в фондовом индексе «Inc-Tech». И поэтому в ближайшее время мы выпустим в продажу новые акции!

– Размытие, – еле слышно проговорил Ратибор.

– Спокойствие, – холодно заметил Тимофей. – Это было ожидаемо. Пострадают наши зарубежные «друзья», и не более того.

– Ну а теперь давайте праздновать! Как-никак, у корпорации «Заслон» день рождения! Не стесняйтесь, угощайтесь напитками! С печенью «Заслон П-9» можно позволить себе лишнюю бутылочку шампанского, – Добронравов усмехнулся, – или чего покрепче.

Зал утонул в смехе.

– С днем рождения, друзья! Долгих нам ле...

Он остановился на полуслове, глядя в экран телефона. Какое-то сообщение пришло и Тимофею, но пока он доставал свой аппарат – праздник закончился.

– Боже ты мой...

Ратибор тоже пялился в свой смартфон распахнутыми от ужаса глазами. Присутствующие, один за другим, начали доставать и свои телефоны. Музыка стихла окончательно.

– Вот вам и три залпа салюта. Мы летим в Кельн.

– Но...

– Немедленно, Ратибор, – отрезал Тимофей.

Телеканал «DT», Германия

«К настоящему времени пожар локализован. В момент взрыва на территории завода корпорации «Заслон» находилось свыше тысячи человек. Специалисты привлекают к работам не только военных, но и волонтеров. Среди прочих здесь, в Кельне, сейчас находится лично Тимофей Князев, один из руководителей организации, и никаких белых рубашек и умных слов – он наравне со спасателями разбирает завалы. Я вынуждена сдела... Черт! Просите, сейчас... да, мы, кажется, слышали еще один взрыв, только что произошел еще один взрыв, и... ШАЙЗЕ!..»

Пресс-релиз Интерпола

«... хотя ни одна террористическая организация до сих пор не взяла на себя ответственность за взрыв на заводе в Кельне, унесший триста двадцать семь жизней, собранные доказательства исключают любую другую версию.»

Телеканал «Business Today», Канада

«А «Заслон» теряет надежду. После взрыва на крупнейшем заводе в Германии в корпорации настали тяжелые времена. Ежегодно этот завод производил продукции на шестьсот миллиардов долларов, но сегодня акции падают буквально на глазах. Если тенденция сохранится, через несколько недель корпорация покинет фондовый индекс «Inc-Tech», что произойдет впервые в новейшей истории. Недавно наша съемочная группа застала в Лондоне Максима Добронравова, одного из руководителей корпорации, но от комментариев он отказался в грубой и оскорбительной манере. Мы следим за развитием событий...»

Пресс-релиз Министерства здравоохранения, Российская Федерация

«Компания «Заслон» ни разу нас не подвела и остается нашим самым надежным партнером. Любая информация об отсутствии органов и протезов – провокация и наглая ложь, отвратительная попытка некоторых СМИ сплясать на костях жертв этого ужасного теракта.»

Телеканал «Nachrichten», Германия

«Расследование еще ведется, но похоже, что это был целенаправленный удар по корпорации. «Заслон» стремительно теряет позиции на рынке. Даже несмотря на то, что многим разработкам на сегодняшний день нет аналогов, будущее компании весьма и весьма туманно. А люди продолжают нести цветы к месту трагедии.»

Где-то в Тихом океане

Тимофей стоял на небольшой площади среди хилых одноэтажных домиков из песка и редкого камня, не в силах пошевелиться. Прямо на него, вдали, съедая облаченные в стекло небоскребы, стеной шла песчаная буря. Хотелось бежать, но ноги тонули в зыбучих песках. Вдруг перед ним, метрах в тридцати, появилась девочка. Она шла ему навстречу. Ее синее платье болталось лохмотьями.

– Беги! – закричал он ей, но не издал ни звука – слова и не думали срываться с губ.

Рокот бури нарастал, дома исчезали в песке, а девочка все шла к нему навстречу.

И вдруг все стихло за секунду.

На песчаной стене появились очертания знакомого лица. Его глаза пылали адскими огнями. Лишь спустя мгновение Тимофей понял, что это были вовсе не огни, а летящие в него ракеты.

– Беги! – тщетно беззвучно кричал он.

Девочка его не слышала. Ракеты достигли цели и все вокруг заполонил огонь.

Он проснулся в холодном поту. Металлическая рука жужжала и дергалась, не желая слушаться хозяина. Тимофей не без труда поднял ее вверх и с силой обрушил на кровать. Ночь вздрогнула от треска досок. Рука обвисла мертвым грузом.

зом. Тимофей с трудом встал с кровати и открыл окно. Прохладный бриз океана защекотал вспотевшее тело. Сердце колотилось.

Аня стояла возле двери, ведущей к пляжу, прижимая к груди одеяло и будто пытаясь вжаться в стену.

– Африка? – спросила она.

Тимофей сдавленно кивнул. Он прикоснулся к сканеру отпечатка, спрятанному на протезе между мизинцем и безымянным пальцем. Под металлом пробежали фиолетовые огоньки, устройство перезагрузилось, и Тимофей снова смог спокойно двигать правой рукой.

Он тяжело вздохнул. Налил стакан воды и выпил залпом.

– Она меня не оставит.

Девушка коснулась его плеча.

– Все хорошо, Тим... Все хорошо...

– Там, в Германии, я будто бы видел ее снова. Наяву.

Анна усмехнулась.

– Что смешного?

– Да ничего. Но мне как-то немного больно оттого, что девушка, перевернувшая твою жизнь – это не я.

– Хе, – Тимофей грустно улыбнулся и покачал головой. – Ты не меняешься. И, между прочим, ты тоже перевернула мою жизнь.

– Ага. Вот врешь ты все, Тим, – кивнула она.

Тимофей сел на кровать, и она отозвалась жалобным скрипом. За ним последовали трели уведомлений, идущие

от планшета. Мужчина наспех пролистал сообщения.

– Твой загадочный проект «М»? – спросила Анна.

Он улыбнулся:

– Да. Все готово. Инженерная служба докладывает, что воду откачают за несколько дней, укрепят грунт и стены, и начнут работу.

– Не понимаю до конца что ты там задумал, и, наверное, не хочу, но Добронравова не щади, – отрезала Анна металлическим голосом и растворилась в воздухе.

Тимофей не успел ответить.

Видеоконференция акционеров корпорации «Заслон»

– Объясните мне, как это вообще возможно? – спросил по видеосвязи один из акционеров. – Как так – триста трупов, и ни одна семья не обратилась за компенсацией?

– Какая к чертям разница?! – раздраженно бросил Добронравов в экран, с которого на него смотрели коллеги. – Мы потеряли завод, а с ним и чистую прибыль двести пятьдесят лярдов!

– Этот завод был произведением инженерного искусства, – начал немецкий миллиардер, строящий из себя мецената. – Автоматические двери, сигнализации, системы пожаротушения, несколько степеней защиты от всего, что только вообразить можно. Это спасло почти весь персонал завода. Кроме тех, кто находился в помещениях вредного производства и металлургии. Как раз на эти залы пришелся второй взрыв и там же были все жертвы. Там... – мужчина осекся.

– Ну?! – надавил Добронравов.

– Там трудились заключенные, которых нам любезно предоставило правительство ФРГ. Воры, насильники, убийцы, в основном – рецидивисты.

Акционеры, услышав это, несколько раз изменились в лицах.

– Вот и прекрасно, – сказал Максим несколько спокойнее. – Их оплакивать мы точно не будем.

– Благодаря местным законам, – продолжал немец, – трудоустройство преступников сильно сократило нам налогообложение. Естественно, были приняты необходимые меры безопасности...

– Или не приняты, раз от них всех разом так легко избавились! Удивительно, как никто до сих пор «спасибо» не сказал, – лягнула англичанка, которую остальные акционеры между собой, в кулуарах, величали не иначе как «политическая проститутка».

– Интерпол не афиширует эту информацию до конца расследования. По одной из версий, преступники и были целью нападавших. Радикальные миротворцы или что-то вроде того.

– И в итоге пострадали все мы! – подытожил Добронравов. – Наши акции упали ниже долбаного плинтуса. Их вообще покупают?!

– Да, вот как раз об этом, – снова заговорил немец.

– Что?

– Я лично продал всю свою долю одному приятному джентльмену, Вы скоро с ним познакомитесь. Завтра состоится передача, поэтому это последняя моя с Вами встреча, дорогие коллеги, в текущем статусе. Рад был со всеми Вами сотрудничать и буду искренне рад поработать снова, но времена изменились. Я принял решение сменить курс.

Он отключился от совещания.

– Могу сказать то же самое, – отозвалась англичанка. – Передача моего пакета акций намечена на эту пятницу. Я благодарна корпорации «Заслон» за свою печень, было комфортно работать, но пора двигаться дальше, и, к глубокому сожалению, порознь, – отключилась и она.

– Блеск, – процедил Максим Добронравов сквозь зубы. – Кто-нибудь еще желает высказаться? Давайте, не стесняйтесь!

– Думаю, Вы, Максим, и сами задумывались над тем, чтобы уйти из компании, – заговорил коллега из Красноярска. – Я тоже задумался. Но продал не все, лишь уменьшил свою долю до шести процентов. Какой у нас выбор? Теперь нужно вернуть прибыльность и построить новый завод. А я лично в этих делах не силен. Сейчас как воздух нужны новые инвестиции, а тех, кто готов поднять компанию из руин, на планете не так уж и много. Имеет смысл...

– Да к чертям, – отрезал Добронравов. Он не спал уже трое суток, а список вещей, его раздражавших, множился без остановки. – Будем реструктуризировать производство. Закроем два завода в России, и перенесем мощности в Китай, там же будем закупать и часть комплектующих. Что-то вообще уже сейчас можно отдать Китаю или Филиппинам на аутсорс. Качество не пострадает, а затраты, пусть и не сразу, понизим процентов на пятнадцать-двадцать. Останемся при приемлемой норме прибыли.

– Максим, нам в любом случае придется поступиться и личными гонорарами, чтобы продолжать платить конкурентные зарплаты.

– Интересно знать, за что, а? Может еще и больничные на сто процентов оплачивать? Я например порой и ночую на работе, а наши работнички – представьте себе! – имеют даже выходные! Хватит молоть чепуху. Зарплаты сократим в первую очередь, а если кому не нравится – до свидания.

– Боюсь, Князев не позволит Вам сделать что-то подобное.

– Помянули дьявола, – фыркнул Максим. – Почему вообще его нет на совещании?

– У него встреча с администрацией Кельна, – отозвался Красноярск.

– Встреча. Отлично. Это же важнее прибыли компании.

– Не ерничайте, Максим. Там что-то насчет территории разрушенного завода. Тимофей Сергеевич сказал, что «должен сотворить добро из зла, потому что больше его не из чего делать».³

К общему удивлению, после некоторой заминки, Максим Добронравов рассмеялся.

– Откуда у него время читать книги, кто-нибудь мне скажет? – он откашлялся. – Вечно что-то да процитирует. Добро из зла, ха, я даже знаю, откуда это, наверное, впервые! Это Роберт Уоррен, «Вся королевская ра...»

Фраза оборвалась на полуслове, а Максим оцепенел.

«Секундочку», – вдруг пронеслось у него в голове.

– Секундочку, – повторил он вслух, наморщив лоб. – Немец сказал, что он завтра передает акции. А англичанка передает акции послезавтра? Так?

Наступила тишина. Добронравов вдруг почувствовал, что все те вещи, которые бесили его последние несколько дней и недель, да что там – даже лет, вдруг потеряли всякий смысл.

«Твою мать».

– Кому ты продал свою часть? – спросил он, глядя в экран бешеными глазами.

– Это важ...

– КОМУ?! – заорал Максим, не дав партнеру из Красноярска договорить.

– Некому господину по фамилии Смирнов.

– О, нет...

Офис корпорации «Заслон», Санкт-Петербург

– Ты!.. Ублюдок! – Максим, тяжело дыша, влетел в кабинет Тимофея.

Тот стоял лицом к панорамному окну.

– Выбирайте выражения, Максим. Что-то случилось?

– Контрольный... пакет...

– Теперь принадлежит мне лично. А ты – уволен.

– Ничего не выйдет!

– Уже вышло. На столе бумаги, можешь забрать. И да, насчет золотого парашюта... Тебе отказано в предоставлении. Понимаешь, возникли сложности при оформлении бумаг, многое не приложили к личному делу. Можешь подать прошение повторно, но не раньше чем через два месяца.

Максима прорезало изнутри будто тысячей ножей, а глаза наполнились первобытным страхом перед неизведанным. Он вспомнил эти слова. И он вспомнил лицо Андрея Судьбина, когда отказал ему.

– Нет, нет, нет, нет, Вы не можете, – он в один прыжок оказался у стола и начал судорожно перебирать бумаги. – Вот, пункт восемь, подпункт четыре...

Внезапно мир превратился в каскад ярмарочных вспышек. Максим почувствовал, как его голову снес локомотив,

и удар был такой силы, что того швырнуло на стол. Тимофей схватил Добронравова за ворот костюма и рванул вверх. Перед разбитым лицом оказался металлический кулак, с которого капала кровь.

Тимофей Князев оскалился:

– Ты не представляешь, каких усилий мне стоит сдерживаться. Я могу запихать это тебе в задницу, дотянуться до сердца и сделать из него отбивную.

Тимофей впечатал кулак в живот Добронравова. Тот упал, не в силах устоять на ногах и даже выдавить из себя кашель.

– Ты не понимаешь нас, – протез вновь маячил перед глазами Максима. – Это твое место – в аду, мразь.

– Взрыв.. КХА! В Германии... – проблеял Максим. – Зачем?! Ты отправил компанию в ночь!

– В НОЧЬ?! ХА-ХА-ХА-ХА! В ночь!

Тимофей нажал несколько кнопок на планшете. На экране напротив стола появилась миловидная барышня – диктор новостей.

– Сегодня стало известно о полном отказе корпорации «Заслон» от розничной продажи, – заговорила она. – Согласно заявлению Тимофея Князева, владельца корпорации, весь спектр бионических протезов и имплантатов будет устанавливаться всем нуждающимся на безвозмездной основе. Хирургические отделения корпорации в Сьерра—Леоне, Германии, Белоруссии, а так же во всех отделениях и больницах в России будут готовы принять первых посетителей

уже завтра. В течение следующей недели на сходный режим перейдут и остальные подразделения «Заслон» по всему миру. В российские больницы необходимые органы и протезы будут направляться по запросам, но точно так же, на безвозмездной основе. Нам пока не удалось получить развернутый комментарий...

Он остановил воспроизведение.

– Я превратил компанию в маяк цивилизации. Теперь никто не будет страдать. Никто, ты слышишь?!

Голова Максима шла кругом, по лицу струилась кровь. Внутри бились бесконечные «Как?», «Зачем?», и, перекрывая все прочее, «На какие деньги?!»

– Это бессмыслица... У тебя нет столько денег... У тебя нет денег на миллионы операций, на миллиард протезов и органов! Просто нет!

– Да? А откуда ты знаешь? Ты ведь не самый умный, ты даже свой контракт оказался не в состоянии толком прочитать.

Добронравов рванул с места, надеясь сбить Тимофея с ног, но врезался головой в металлическую руку и рухнул навзничь. К горлу подкатила тошнота.

Тимофей поправил пиджак.

– Ты был в Африке, Максим? В Сербии? В Австралии? Конечно, нет. А я был. И поведаю тебе одну историю, – он подошел к окну и устремил взгляд вдаль. – Сьерра-Леоне, август двадцать третьего. Как-то раздались взрывы: боеви-

ки выпустили пятьдесят ракет по мирным кварталам. Смели подчистую целый район, камня на камне не осталось. Я тогда был обычным полевым хирургом в местном отделении корпорации. Военные не пустили нас помочь на месте, однако все было наготове, чтобы в любую минуту принять людей. Но никто так и не пришел. А ближе к ночи на улице мы увидели девочку. Лет семь, не больше. В разорванном синем платье, ревет и держится за уши. Ударной волной ей разорвало барабанные перепонки.

Тимофей достал из кармана маленький имплантат, похожий на беспроводной наушник и швырнул Добронравову в лицо.

– Эта малышка стоила, кажется, тысяч восемь евро. Мы живили ей две таких. Просто так. Потому что не могли иначе. Мы наплевали на правила компании, принесли со склада две этих штучки и я лично провел операцию. И я вряд ли забуду лицо девочки.

На минуту он умолк.

– Она расцвела, словно цветок в пустыне. Такая маленькая, и такая счастливая. Она плакала и смеялась. А я... я словно прозрел, Максим. Все оказалось ложью. Я считал, что мы помогаем людям, что мы творим добро. Но настоящее добро мы сотворили только раз. В ту ночь, в Африке, в километре от горячей точки. Это была лишь девочка. А ты представь на минутку – сколько таких еще? Сколько девочек не слышали никогда в жизни, ни единого звука? Не слышали,

как мама поет им колыбельную на ночь? Сколько слепых родителей никогда не видели своих детей? Не видели, как они растут? Сколько людей после травмы ставили крест на жизни? Да, мы им помогали, но мы просили взамен то, что они не могут дать. Несколько тысяч евро за это? Откуда у девочки такие деньги? Да и не стоит оно столько!

Тимофей перевел дыхание и унял дрожь.

– Ты был прав, Максим, наши сотрудники ничем не лучше людей с улицы. А значит возможность должна быть у всех. Абсолютно у всех. Поэтому теперь больше никто не будет страдать из-за несчастного случая или выходов природы, никто, слышишь меня? Теперь наши бионические протезы, органы и имплантаты установят всем и бесплатно. Люди получают то, что они заслуживают – второй шанс. Шанс измениться, исправиться. Выйти за рамки возможного. Заново обрести семью. Любовь. Шанс *жить*.

Телеканал «DT», Германия

«Сегодня прошли первые операции, в процессе которых пациентам устанавливали протезы и пересаживали органы корпорации «Заслон», предоставленные бесплатно. У меня за спиной десятилетний Ханс, попавший под поезд и потерявший обе ноги. Медики недавно закончили работать, сейчас мальчик еще под наркозом. К его нервам подключили,

как это называют специалисты, универсальные модули усиленной обратной связи. На новых ногах Ханс сможет ходить без длительного курса восстановления. А этажом ниже, в спортивном зале, проходят реабилитацию пациенты после перелома спины. На этих кадрах вы видите тринадцатилетнюю Одри и пожилого господина Кляйне, вы можете заметить на их головах «Заслон НМ-14». Теперь можно уверенно сказать, что таких пациентов ждет светлое, яркое и насыщенное будущее. Это новый мир, дорогие зрители. Это – новый мир.»

Видеоблог альпиниста Сергея Коновалова

«Благодаря новой руке от корпорации «Заслон» я смог вернуться в скалолазание и намерен показать высший класс на чемпионате мира. Ждите меня, Альпы и Гималаи! Только я, пожалуй, на этот раз посерьезнее отнесусь к выбору карабинов, хе! А то в прошлый раз, как вы помните, мне буквально нужна была еще одна рука!»

Третий канал, Россия

«Я наконец прокатился с внуком на велосипедах. Мое но-

вое сердце работает стабильно, как часы. Я бесконечно благодарен врачам и компании «Заслон».»

Минск, центральный госпиталь

Мужчина с детства думал, что плакать плохо. Последние несколько месяцев он прикладывал титанические усилия, но со слезами совладать не мог. Да и не хотел. Годами, десятилетиями эмоции копились в нем, росли, как снежный ком, и некуда было их выплеснуть. Когда пришла весть о болезни супруги, он не сдержался впервые за многие тысячи дней и минут. На приемах у врачей он выслушивал приговор за приговором, которые впечатывали в головы ему и супруге, тлел от бессилия и беспомощности, и стыдливо прятал слезы. Так ведь нельзя. Нельзя плакать.

Оказалось, можно.

Он стоял у прозрачного стекла, открывающего вид на отделение инвазивной имплантации. Его супругу только что отключили от аппарата искусственной вентиляции легких. Спустя долгие месяцы она наконец смогла дышать сама, не чувствуя боли и рези в груди. Не выплевывая кровь. Не чувствуя себя беспомощной.

По лицу мужчины катились слезы.

Он подошел к ней, не в силах подобрать слова. Женщина безмятежно улыбалась. Потянувшись рукой к его щеке и смахнула с седой щетины предательские капли.

Последняя пачка с разломанными сигаретами осталась лежать смятой, в мусорном ведре.

– Как дела? – чуть слышно спросила она.

– Мальчик, – также шепотом, словно боясь сказать лишнего, промолвил мужчина. – Четыре двести. Сын сказал, что без бабушки никто их из роддома не выпустит.

Офис корпорации «Заслон», Санкт-Петербург

– А как же я? А мой второй шанс?

Тимофей повернулся и посмотрел в пустые глаза едва стоящего на ногах, измученного и опирающегося на стол Добронравова. Он было снова поднял руку, но, пока Максим пытался сжаться, застыл.

Его словно что-то остановило, не дало дернуться вперед. Тимофей взглянул на протез, на держащую металлический кулак ладонь, испещренную мелкими царапинами, и на стоящего рядом Андрея Судьбина. Тот легко улыбнулся и отрицательно покачал головой. Потом щелкнул по металлу пальцем и прошагал в сторону Максима, рядом с которым стояла девочка в синем платье. Он присел рядом с ней на корточки, завел ей за ухо непослушный локон и указал на друга. Девочка коснулась мочки уха, посмотрела Князеву в глаза и тоже помотала головой.

Стальной кулак разжался. Тимофей закрыл глаза и вздохнул.

– Ты все еще не знаешь, кто такой Андрей Судьбин? – спросил он, не испытывая никакой злобы. – Он изобрел технологию усиленной обратной связи. Он создал «НМ-14». На его работах стоит вся корпорация, а ты обошелся с ним, как

с мухой, ты просто от него отмахнулся. Но ты прав. Даже такая гнида, как ты, заслуживает второй шанс. Я не убью тебя. Ты сдохнешь сам. Убирайся отсюда. Пошел вон. Живо.

Где-то в Тихом океане

– Так и сказал? – переспросила Аня. – «Запихать это тебе в задницу, дотянуться до сердца и сделать из него отбивную»? Бо-оже, как это романтично. Такой сюрприз мне нравится!

Тимофей легко улыбнулся.

– И все же кое-что осталось без ответа, – не унималась девушка.

– О чем ты?

– Откуда у тебя столько денег, чтобы сделать хорошо, – она покатила слова на языке, – всему миру? Проект «М»?

– Проект «М», – ответил он. – Металл, который нашли на этом острове, окупит все сполна. Для примера, на его основе мы разработали универсальный металлический порошок для 3d-печати. Работать с ним сможет любой специализированный промышленный принтер, причем на высокой скорости. Сплав на выходе получается твердым, пластичным и легким. По физико-механическим характеристикам превосходит титан и может запросто вытеснить авиационный алюминий.

Аня обдумала сказанное.

– Одно только это даст компании обеспеченное будущее.

– И только поспособствует производству наших органов и протезов. Хватит на всех. Корпорация «Заслон» будет бес-

перебойно работать долгие годы и помогать людям.

– Слушай, а почему тогда ты просто не скупил все акции у остальных? Зачем понадобилось взрывать завод с кучей дорогостоящего оборудования и, – она невольно поморщилась, – людьми?

– Побочный ущерб. Ань, никто бы не отказался от доли в компании, пока она приносила прибыль. Прогноз скорого краха на фоне взрыва на заводе обрушил акции и держать их стало невыгодно, вот и все. Завод уже восстанавливают. А про людей – шутку понял, смешно. Эти «люди» не штраф за парковку получили...

Они сидели на крыльце маленького домика на курортном острове где-то посреди Тихого океана и смотрели на закат. Анна коснулась металлической руки, улыбнулась и поцеловала Тимофея в щеку. Только в этот раз что-то произошло: дрон потерял сигнал и голограмма рассыпалась вокселями. Вместо любимой девушки Тимофей глядел теперь на маленький четырехлопастной квадрокоптер, который жужжал, восстанавливал связь, стрелял во все стороны лидаром в поисках твердых поверхностей, перенастраивал голографический проектор. Наконец, он снова соединился с мобильной системой жизнеобеспечения «Заслон Л-12», где уже год лежала настоящая Анна Андреевна Судьбина. Неподвижная, спрятанная от времени. Находящаяся в постоянной зависимости от электричества, блоков снабжения с энергетическими смесями, аппаратами искусственной вентиляции легких,

поддержки сердца, очистки крови и лошадиных доз обезболивающих. Способная взаимодействовать с внешним миром только с помощью летающего дрона с воксельным голографическим проектором, видя все вокруг и посылая сигналы своей иллюзии с помощью встроенного в систему «НМ-14».

Тимофей слишком поздно узнал, что Андрей Судьбин сам собрал этот аппарат из всего, что нашел в лаборатории, и сам положил в него дочь. Такой он ее и нашел спустя несколько дней после похорон. Вспоминать об это было... Он не мог словами передать все оттенки того ужаса. Дай Добронравов согласие на сердце, с которым Андрей так ни разу и не смог совладать – все могло быть иначе.

Прошла еще секунда, Анна заново собралась из микроскопических кубиков и положила голову Тимофею на плечо.

– Знаешь, а я уже привыкла к этому виду. Ты, я и мой гроб.

Мужчина поник, не в силах говорить обо всем этом снова.

– Ань... Я не...

– Да-да, я в курсе, не начинай опять эту песню. Страшная авария, кома, потом благодаря Добронравову мне не поставили новое электромеханическое сердце и усилитель сигналов спинного мозга, чтобы организм смог выдержать дальнейшую имплантацию и восстановление, бла-бла-бла. Вот только уже поздно, теперь я такая. Перестань, Тим. Все уже в прошлом.

Девушка потянулась и взглянула на заходящее солнце.

– Тим, ты сам говорил мне, что месть Добронравову была просто на закуску, а теперь ты расстроен потому, что я не взорвалась восторгом. Месья была нужна тебе, глупый. Для меня она ничего не изменила. Но ты сделал так, что в моем положении больше никто не окажется.

Голограмма коснулась ладонью щеки Тимофея. Он пытался, яростно пытался почувствовать хоть что-либо от этого прикосновения. Все было тщетно.

В этот момент система жизнеобеспечения подала сигнал о низком уровне питательной жидкости в блоке снабжения.

– Сейчас, погоди минуту, я заменю.

Но дрон с размаху впечатался ему в затылок. По Анне волнами пошла рябь.

– Что?..

– Тим, этот блок... последний.

«Нет. Нет, не может этого быть.»

– Как это последний? Мне же не приходило уведом... Стоп. Ты что, взломала модуль оповещения системы?

Она улыбнулась совершенно не своей улыбкой.

– Нет, где-то был еще один, не проблема, я позвоню Ратибору и еще десяток быстро доставят по одному щелчку! Хоть сотню!

– Тим... – прошептала она печальным срывающимся голосом.

Он измученно опустил руки. Где-то там, в глубине души он знал, что так и произойдет. Знал, что это случится, и ду-

мал, что готов. Но к этому невозможно быть хоть сколько-то готовым.

– Какой смысл владеть всеми деньгами и новейшими технологиями мира, если они не могут спасти тебя?

– Но они спасут многих других. Ты ведь сам сделал это возможным. Ты создал мир без боли, Тим. А мне в этом мире давно уже не место. Я очень устала. Хочу закрыть глаза и бесконечно видеть сны, где я бегу по этому пляжу.

– Нет, неправда, – произнес он дрожащим голосом подростка и положил правую руку себе на грудь, туда, где сердце. – Твое место здесь. Ты мое прошлое и мое настоящее. Я не представляю свое будущее без тебя!

Девушка молчала.

– Можем подождать. Мои специалисты найдут способ вернуть тебя к жизни, к полноценной жизни!

Он, вконец опустошенный, сел. Система пищала, блок снабжения иссяк. Оставалась минута, не больше.

– Аня, не... Не оставляй меня одного... Я не смогу без тебя...

– Вот врешь ты все, Тим. Тебя ждет мир, и это как раз он не сможет без тебя. Поэтому даже не смей торопиться за мной.

Голограмма снова начала рассыпаться на воксели. На том, что было лицом Анны, проступили электрические слезы. Она в последний раз попыталась его обнять и коснуться его губ, прекрасно зная, что он этого не сможет почувствовать.

– Все хорошо. Я всегда буду с тобой.

Она ушла.

Писк машины прекратился, и прозвучало уведомление о том, что пациент скончался. Дрон немного покружился в воздухе, пока не исчез последний виртуальный кубик, и вернулся на базу в изголовье установки.

С минуту Тимофей смотрел в никуда. Потом подошел к сверкающему белоснежному модулю «Л-12», занимавшему половину комнаты, и отключил питание.

– Прощай, мой ангел... – прошептал он.

– Не «прощай», а «до встречи», – раздалось над ухом, будто наяву.

Тимофей повернулся. Анна, облаченная в парео, вышла из домика на пляж, где ее ждали папа и девочка в синем платье. Она бросилась к отцу на шею и не меньше десятка раз поцеловала его в покрытую мягкой щетиной щеку.

Потом наклонилась к малышке:

– Ну что, давай знакомиться? Я – Аня, – она протянула ей руку. – Дядя Тимофей и для меня сделал много доброго. Мы будем его навещать, правда?

Девочка сжала ее ладонь и они вместе побежали к океану. Тимофей с грустной улыбкой смотрел им вслед. Андрей подошел к нему, положил руку на плечо, благодарно кивнул и исчез.

Долгое время Тимофей не мог окончательно прийти в себя. Потом сел на крыльцо домика, размышляя о том, сколь-

ко дорог в его жизни только что оборвалось безвозвратно. Осталась лишь одна, неизбежная и самая верная – в будущее.

Примечания:

1. «Пикник на обочине», Аркадий и Борис Стругацкие, 1972.
2. «Властелин колец: Братство кольца», к/ф, реж. Питер Джексон, 2001.
3. «Вся королевская рать», Роберт Пенн Уоррен, 1946.